

матріархатъ. Въ „Запискахъ матери“, какъ и въ „Семейномъ счасты“, Толстой говоритъ отъ имени женщины, ея тономъ, ея устами, ея словами; онъ умѣетъ входить во всѣ ея возрасты, во всѣ ея заботы и волненія, и передъ нами еще разъ является другъ и провидецъ женщины, заступникъ матери, великий сынъ.

Стариковское сравненіе взрослыхъ съ дѣтьми въ очеркѣ „Нечаянно“, въ самомъ дѣлѣ, очаровательными строками своими показываетъ, насколько лучше насть, большихъ, эти милыя маленькия дѣти, съ ихъ быстрыми „сытыми ножками“. Впрочемъ, какъ Вока (или Воля) „нечаянно“ съѣлъ пирожное, которое онъ относилъ нянѣ, — про это событие мы уже знаемъ изъ другого толстовского наброска...

Съ особеннымъ чувствомъ печали и думы закрываешь третью книгу Толстого. Закрываешь, конечно, не навсегда. Обезпеченъ къ ней неоднократныя возвращенія, — къ ней и ко всѣмъ другимъ его созданіямъ; вѣченъ будетъ ихъ зовъ и наши отклики на него. Но все-таки съ горечью думаешь, что это — послѣдній томъ посмертныхъ сочиненій Толстого. Третій томъ — третій Римъ, а четвертому не быть? Продолженіе больше не слѣдуетъ? Если такъ, то, значитъ, лишь теперь Толстой умеръ...

Онъ умеръ. Но изъ-за одинокой безкрестной могилы, которая находится тамъ, въ прекрасной, въ Ясной Полянѣ, пришли великія книги. Запе-